

РЕПЛИКА

НЕ ДУМАЯ О РИКОШЕТЕ...

НЕ ТАК давно «Огонек» опубликовал несколько отрывков из мемуарной книги покойного эмигранта Юрия Елагина. Скрипач Елагин некогда играл в оркестре Театра имени Евг. Вахтангова и в Государственном джазе СССР. В одном из очерков музыкант вторгается в сферу литературы. Очерк этот должен вызвать серьезные возражения у тех, кто знает и ценит родную словесность.

Немало было творческих достижений у Алексея Николаевича Толстого. Они навсегда определили его место в отечественной культуре как большого писателя земли русской.

Немало было и прегрешений.

К числу всецело конъюнктурных вещей относилась пьеса «Путь к победе». Завершена она была Алексеем Толстым к 1939 году, когда праздновалось 60-летие Сталина.

Руководящие лица Театра имени Евг. Вахтангова задумали в то время выманить у автора эту плохую пьесу, завладев правом первой постановки. Для этого был затеян «трандиозный, небывалый пикник в честь Толстого».

Гласность, конечно, гласностью, а все же как-то неловко смеяться над тем, как куролесил и в подпитии попадал впросак всем известный старый человек, уже тогда отец взрослых детей. Неловко и потому, что его давным-давно нет в живых. И очень неловко потому, что сегодня это прочитают его молодые живые дети.

Такая неловкость сразу порождает вопрос: а зачем столь «знаменательный» и для биографии автора «Детства Никиты», «Хождения по мукам», и для истории знаменитого театрального коллектива «компромат» редколлегии популярного журнала размножать в количестве 4 600 000 экземпляров?

А коль это предложено и размножено, читателю предстоит решить, кого более

порицать: А. Толстого, написавшего неправдивую, верноподданническую пьесу и простодушно откликнувшегося на пикниковую приманку театра? Или тех, кто, потворствуя слабостям драматурга, заманил его пикниковыми соблазнами?

В воспоминаниях Ю. Елагина нет и намека на раскаяние, нет и капли самокритики. Одна, но пламенная страсть водила его пером: принизить, окарикатурить того, кого он с коварной целью сначала услужливо подсадил на высокий пьедестал «самого знаменитого из ныне (то есть в конце 30-х годов. — В. Х.) живущих писателей России».

Будто следуя каламбуру поэта, мемуарист вовсе старался превратить Толстого в «усевшись на краю моста, он свесил свои толстые ноги»; «с накинутым на толстые плечи ковром»; «этот толстый человек с некогда красивым, а теперь обрюзгшим и заплывшим лицом»; «под подбородком висела огромная складка жира» и т. п.

Сколько утонченно-интеллигентского такта в этих милых подробностях! Дальше мы узнаем, что жена Толстого «очень мило спела два русских старинных романса», а сам Алексей Николаевич еще до первой мировой войны «обратил на себя внимание милыми, прекрасно написанными повестями и рассказами, главным образом из быта увядающего русского дворянства...».

Вы спросите: а где же знаменитые романы «Чудаки», «Хромой барин», которые и сделали его одним из приметных художников дооктябрьской реалистической прозы? Где его пьесы 1912—1917 годов, обогатившие репертуар петербургских и московских театров?

Вот здесь начинается то, что заставляет протестовать литературоведа.

Заполнив свое произведение на две трети фаршем из старых анекдотов и «новых» анекдотичных сведений о Толстом-человеке, мемуарист постарался умалить заслуги Толстого-писателя. Думается, это и было его главной целью.

К такому «повороту мысли» автор прибегал кривыми дорогами. Умолчание сменяется «громкой» неправдой. Дважды, например, говорится, что в литературной деятельности А. Толстого наблюдался «длительный перерыв... который начался после окончания им «Петра Первого» в 1933 году и продолжался целых пять лет». А потом? «И талант его погиб так же быстро и так же окончательно, как и таланты тех, кого расстреляли или сослали. Но сам он еще прожил долго. Он умер в 1945 году...».

Здесь нет ни одного факта, который бы соответствовал правде творческого пути Алексея Николаевича Толстого.

Последние 22 года этого пути мемуаристу понадобилось представить лишь как «жесточайший кризис», когда были созданы две слабые, угоднические вещи: повесть «Хлеб» (в мемуарах она названа романом) и пьеса «Путь к победе».

Простите нас за расхожее — «любому школьнику известно...». Здесь это не затрепанный риторический прием: творческую биографию А. Толстого и его роман «Петр Первый» изучают в выпускных классах средней школы. И действительно, любой ученик без труда увидит неправду огоньковского обличительного очерка «Рабоче-крестьянский граф».

«Петр Первый» не был окончен в 1933 году. Он вообще не был окончен: смерть писателя прервала его напряженнейшую работу над третьей книгой романа. Помимо этой не прекращающейся последние два десятилетия капитальной работы, им была создана третья часть «Хождения по мукам» — «Жмурое утро». Неудобно даже напоминать о знаменательном, хрестоматийном факте — роман этот был завершен 22 июня 1941 года.

Журнал, поместивший очерк, не может также оставаться в неведении относительно созданной во время войны дра-

матургом Алексеем Толстым дилогии «Иван Грозный».

А кто не знает написанных тогда же, в тягчайшие и героические для Родины годы, «Рассказы Ивана Сударева»? Как вузовский преподаватель, много лет проработавший за рубежом, могу засвидетельствовать международное признание самого известного из них — рассказа «Русский характер». Текст его до сих пор используется во многих странах при изучении русского языка.

Юрию Елагину Алексею Толстой последних лет жизни представлялся изолгавшимся при Сталине «свадебным генералом» «на самых торжественных официальных приемах и банкетах».

А ко мне, сидящему в блиндаже под Серпуховом в октябре сорок первого, он явился при свете копилки с полосой «Красной звезды» с горькой и откровенной правдой о положении на фронтах. Именно из толстовской статьи «Кровь народа» я впервые узнал, что при отступлении нашими войсками был взорван Днепророг.

Пожилой писатель являлся фронтовикам не только с колонок газетного текста как забываемый публицист-историк, публицист-патриот. Он приходил к солдату, так сказать, и собственной персоной, такой же неуемный и неробкий, каким он был в 1937-м в осажденном Мадриде, в окопах Гвадалахары и Карабанчеля.

Самое ценное в Алексее Толстом — его писательский путь, его художественное наследие, — как мы увидели, представлено в «Огоньке» с непростительными упущениями и искажениями. Получилось нечто вроде бумеранга: показывая одного из одаренных русских писателей только как порочного деятеля конца 30-х годов, журнал продемонстрировал ряд недостойных приемов того страшного времени.

И потому, я уверен, проиграл.

В. ХАБИН,
доцент филологического
факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова